

Вокруг журнала Просветители двадцатого века

В послевоенные годы имена Чуковского, Маршака, Гайдара, Образцова украшали страницы журнала «Народное образование». Эти писатели, кинорежиссёры, артисты старались донести своё искусство до каждой школы, до каждого школьника. Прошли годы. Не стало государственной поддержки детских фильмов, книг, театральных постановок. И всё большее внимание привлекает феномен советского искусства для детей.

Великие просветители XX века – писатели, режиссёры, музыканты, посвятившие своё творчество миру детства, были могучим фундаментом советской педагогики.

1

Наш журнал никогда не замыкался на узкопедагогической проблематике. По традиции на его страницах были представлены достижения отечественной культуры, горный воздух эпохи. А разве можно представить себе народное образование явлением, обособленным от культуры, лишённым исторического контекста? Самым талантливым деятелям нашей культуры, просветителям XX века была предоставлена трибуна в послевоенном журнале «Народное образование», где о них спорили, ими восхищались.

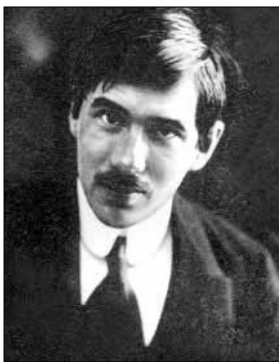
Семидесятилетнюю эпоху советской власти сейчас принято трактовать как время трагедий, «тёмный, кровавый век». Но — парадокс — детям этого «кровавого» века порой не хватало именно твёрдости. Кровавый век породил поколения интеллектуалов — ранимых, почти беззащитных. Дети послевоенного времени — самое образованное общество в истории России. И сейчас мы явственно видим нравственную чистоту, таланты этих людей (ушедших и постаревших). А ведь они — порождения того, «кровавого», века. Значит, была в той эпохе могучая красота, было просвещение. Была советская культура, которой мы можем гордиться.

Пожалуй, самым важным достижением советского просвещения была индустрия детского искусства, созданная уже в 1920-х годах, и развивавшаяся до 1980-х. В литературе, в кино, в театре были созданы шедевры, посвящённые детям. Такого развития детское искусство не получало нигде и никогда. Его творцы — Корней Иванович Чуковский, Евгений Львович Шварц, Самуил Яковлевич Маршак, Сергей Владимирович Михалков, Наталья Ильинична Сац, Николай Николаевич Носов, Александр Лукич Птушко, Сергей Владимирович Образцов — были самобытными педагогами, знавшими путь к уму и сердцу ребёнка. Они были *просветителями* — фигурами весьма важными для общества, строившего коммунизм. Ведь успехи коммунизма со времён Луначарского напрямую увязывались с успехами просвещения. Так, Лев Озеров, поэт и профессор, писал:

Коммунизм — это Тютчев,
Приходящий к зырянам.
Это грамотный чукча
Перед телеэкраном.

И Тютчев действительно, вопреки давнему скепсису А.А. Фета¹, приходил к зырянам, как приходили к школьникам и выдающиеся мастера советского искусства.

Кто-то скажет: «Это была насквозь идеологизированная культура, наш гитлер-югенд...» Подобными заклинаниями пытаются загипнотизировать поколение нынешних школьников. А ведь их прадеды спасли мир от фашизма. Советские дети воспитывались на стихах о солдате Трифоне Лукьяновиче, спасшем во вражеском Берлине, в 1945 году, немецкую девочку. Лукьянович спас девочку, а сам погиб. Но и сейчас, одетый в бронзу, он прижимает её к своей груди в берлинском Трептофпарке. Об этом рассказывали школьникам во втором классе. Как важно учиться на таких образах, дорожить памятью о героях. И никакие политические перемены не перечеркнут советской детской литературы, умеющей и воспитывать, и развлекать.

К.И. Чуковский

Корней Иванович Чуковский — один из основоположников нашей детской литературы. Его публицистические выступления, посвящённые проблемам школы, неизменно вызвали широкий резонанс, в том числе — и на страницах нашего журнала. Друг Корнея Ивановича — Сергей Владимирович Образцов — мечтал поставить в московском парке, рядом с Театром кукол, памятник детскому поэту. Любимый «дедушка Корней» встречал бы детей в окружении своих героев — Айболита, добрых зверей, Бибигона, Мойдодыра. Но великий режиссёр не успел осуществить свой замысел. Сейчас же на месте того детского парка затеваются респектабельные шалманы, завсегдатаям которых нет дела ни до детских стихов, ни до журнала «Народное образование». О деятелях отечественной культуры, нёсших знамя Просвещения в XX веке, делавших нашу жизнь цветной и звонкой, можно говорить долго. Мы остановимся на тех, кто непосредственно влиял на развитие отечественной педагогики, кто был связан с журналом в послевоенные годы. Признанным

¹ А.А. Фет писал:
*У чукчей нет Анакреона,
К зырянам Тютчев не придёт.*

патриархом нашего искусства был создатель Академического театра кукол, народный артист СССР, Герой Социалистического Труда, профессор Сергей Владимирович Образцов. Помните, как говорили о нём стихотворцы?

Артист не просто замечательный,
А образцово-показательный.

У Образцова было немало разных амплуа. Нас интересует Образцов-педагог, проявлявшийся и в артисте, и в режиссёре, и в директоре театра, и в писателе. Замечательный факт: некоторые высказывания Образцова могли на первый взгляд показаться ханжескими, а мы воспринимали и воспринимаем их как живую мысль интеллектуала. Дело в том, что за каждым его высказыванием стояла выстрадавшая позиция. Так, он предлагал исключить из школьной программы произведения И.А. Гончарова — «Обрыв» и «Обломов», потому что дети не могут понять важную для этих романов эротическую подоплёку. И в устах Образцова эта идея не выглядела дикой: он заставлял себе верить, а это и есть учительский талант.

Москва. Площадь Маяковского. На этом месте сейчас сквер

В отечественной педагогике Образцов был феноменом, у него мы учимся умению общаться с детской аудиторией, умению сочетать познавательность и занимательность. Вся жизнь Образцова, все его труды в разных областях (а он был жаден до новых впечатлений и стремился выразить себя сразу на многих языках искусства) были служением Просвещению. В этом Сергей Владимирович походит на корифеев российского XVIII века, каждый из которых составил национальную школу: Ломоносов — в литературе и различных отраслях науки, Румянцев и Суворов — в военном деле, Феофан Прокопович — в публицистике, Бортнянский — в музыке, Фонвизин — в драматургии... Просветители всегда работают «на аудиторию», они ориентированы на успех, на победу. Каждый из них ощущал потребность в том, чтобы его труд воспринимался как явление национального масштаба. У каждого были учительские амбиции. Жизнь их можно представить как последовательность больших и малых побед. Но сколько внутренней свободы, сколько вдохновения в порывах этих победителей! Не так давно по телевидению повторили давнюю, восьмидесятых годов, встречу с Образцовым в концертной студии «Останкино». Каждый зритель мог убедиться в том, что Образцов, в отличие от мэтров последнего времени, был прекрасно образованным человеком, но не был высушенным интеллектуалом. Был корректен, но не был закрепощён. Был лоялен к государственной системе, но был и свободен. В его ответах на вопросы не ощущалось судорожной калькуляции: «Сейчас я делаю рекламу бизнесмену N», «Сейчас я пробиваю новую мебель для своего театра», «Сейчас я покажу себя вольнодумцем»... Он был искренним. Рамки, предложенные тем временем, позволяли ему быть таковым. Образцов возник на телеэкране — и сразу прояснилась цена современной свободы. Если он — продукт тоталитаризма, то почему у нынешних творцов отсутствует самостоятельность мышления? Не потому ли, что им нужен штамп, на котором строится массовая культура. А ведь именно штампы люто ненавидел Образцов, с ними боролся и смехом, и слезами. «Разрешённой смелости» (термин Маркса, считавшего это явление подлым) сейчас хватает, а творческих бесстрашных дерзновений нет.

2

В Москве, в Марьиной Роще, есть улица Образцова (бывшая Бахметьевская). Она названа в честь выдающегося инженера-путейца, академика и генерал-директора движения первого ранга Владимира Николаевича Образцова. А его сына — актёра и режиссёра, основавшего лучший кукольный театр «всех времён и народов», — мы вспоминаем как праздник, как хоровод волшебных зверей в знаменитых часах, украшающих его фасад.

Академик В.Н. Образцов

Москвичи помнят Образцовскую гимназию в Сокольниках, где и прошло детство волшебника. Стояла она напротив знаменитой красной пожарной каланчи, сохранившейся по сей день. Ту гимназию создала мама Сергея Владимировича, заведение так и называлось — «Женская гимназия А.И. Образцовой». Возможно, педагогический дар унаследовал С.В. Образцов от матери. Вот так судьба рода Образцовых оказалась связанной с судьбой российского образования — ведь именно школьники были хозяевами образцовского театра с 1930-х годов! Отдавать все свои силы детям (и студентам!), сохраняя при этом высокую планку творческой самовыскастельности, — это прекрасно умели Образцовы. Они были настоящей, ответственной элитой России и Советского Союза. Элитой по Державину — «Болярин, кто за всех болеет».

Сергей Образцов был ярко выраженным педагогом; в поучениях была его стихия. Как азартно, умно и весело умел он поучать!.. И — всегда с успехом. Свой опыт он передавал нам с жадностью, используя для этой своей страсти и телевизионную документалистику, и театральную сцену, и институтскую аудиторию.

3

Вот уже десятилетие все куклы России оплакивают своего повелителя — одного из последних волшебников на земле. С его уходом печально знаменитое «незаменимых у нас нет» обернулось саркастическим: «Теперь, кажется, действительно незаменимых нет».

Писать об Образцове нелегко. Сам он был читателем своенравным, не признающим прописных истин без проверки на сопротивление материала; он отчаянно спорил с Гончаровым и Айвазовским, Есениным и Горьким. Сам он, как известно, лучше других рассказал «о времени и о себе» в спектаклях, кинофильмах, книгах... В какой «тайной свободе» нужно было воспитать себя, чтобы в семидесятые годы целыми кинофильмами оспаривать горьковское «Жалость унижает»? Ведь в те времена постулаты Горького не принято было подвергать сомнению, а Образцов со свойственной ему категоричностью говорил о воспитании жалости и доброты как о сверхзадаче учителя и родителя. И почти одновременно с Сергеем Владимировичем Образцовым об этом со страниц журнала «Народное образование» заговорил педагог Василий Александрович Сухомлинский. Его книга «Сердце отдаю детям» и фильм Образцова «Кому он нужен, этот Васька?» — относятся к одному направлению в нашей послевоенной культуре. Представители этого направления искали новые пути к пониманию нравственности, духовности в атеистическом обществе. Тогда это называлось «гуманистической направленностью творческого поиска». Образцов и Сухомлинский были единомышленниками. Выработывая гуманистическую систему воспитания, они делали общее дело. Свою правду они были готовы отстаивать до последнего аргумента. Вот Образцов рассказывает нам, как в Переделкине жестокий мальчик натравил свою большую собаку на маленькую дворняжку, любимицу местной детворы — Клибку. Даже герой войны Дмитрий Иванович не смог спасти Клибку. Сергей Владимирович рассуждает:

«Что же это получается? Старый человек, прошедший всю войну, видевший смерть людей, плакал потому, что большая собака загрызла маленькую, а двенадцатилетний мальчишка смеялся и радовался. Почему это так? Да потому, что у мальчика этого было атрофировано органическое чувство жалости. Физическое ощущение чужой боли, чужого несчастья, чужого горя. Есть удивительное по своему значению русское слово — *СОСТРАДАНИЕ*. Боль, когда другому больно. Жалость — это высшая форма сочувствия. Безжалостность — атрофия этого чувства. <...> Ребёнок рождается, а человек делается. Делается всеми людьми, которые его окружают. С самого раннего детства. И если трёхлетний мальчик мучает котёнка и смеётся, когда тот пищит, надо уже бить тревогу. Воспитание безжалостности началось. Скорее, скорее учите его жалеть. <...> У вас есть дети. У большинства — безусловно. Научите их жалеть и любить слабого. Щенка, котёнка, воробья, голубя, рыбу в аквариуме, маленького ребёнка. Научите любить и защищать всё живое. Вот тогда дети ваши вырастут такими же храбрыми и добрыми, как Дмитрий Иванович. Кликку он до сих пор забыть не может».

Худ. А.Н. Яр-Кравченко

В этом отрывке Образцов даёт нам урок доброты по Сухомлинскому. И у Сухомлинского, и у Образцова в обращении к доброте, к жалости, к состраданию, к воспитательному образу «слезы» была реакция на жестокость эпохи, когда «большие батальоны» великих строек подчас подминали под себя человека. Так в деятельности самых талантливых людей проявлялся инстинкт самосохранения общества. Зрители, читатели, ученики любили Сухомлинского и Образцова за то, что они говорили правду, боролись за правду. У Давида Самойлова есть такие стихи:

Читатель мой — сурок,
Он писем мне не пишет,
Но всё же пару строк,
В которых правду слышит,
Он помнит назубок.

Схожее благодарное чувство питали к Образцову и Сухомлинскому их современники.

Поговорим о последней книге Образцова, о книге воспоминаний «По ступенькам памяти». В ней выражен многогранный образцовский опыт, его талант и вкус. Эта книга — завещание художника. Немало страниц в ней посвящено и миру детства. Многие мысли Образцова имеют огромное воспитательное значение, причём «воспитываться» с такой книжкой в руках ничуть не скучно. Итак, открываем книгу Сергея Владимировича Образцова...

Сейчас много говорят о таком культурном явлении, как «американская мечта». А воспоминания Образцова — это учебник по российской и советской мечте. Мы видим, как он умел мечтать, умел увлекаться, умел жить весело и полнокровно. Во всех начинаниях был так победителен, что многие подозревали: волшебник. Он и звезду Героя получил первым в артистическом мире, оставаясь при этом беспартийным, что сделало невозможным его участие в публичной сцене с сожжением партбилетов. В книге Образцова описана не менее эффектная, хотя и не публичная, сцена: узнав о высокой награде, режиссёр чокается с телефонной трубкой, когда ему звонят с поздравлениями. Разнообразие приёмов Образцова простиралось от шарика на пальце до гроссмейстерской организации масштабных кукольных спектаклей. «По ступенькам памяти» — книга человека, который смог успешно реализовать свой талант. Человека конфликтного, на всё имеющего своё мнение, но и обладающего способностью жить не в разладе с обществом, с действительностью. Думаю, у нас немного таких книг и таких судеб.

Первое впечатление от воспоминаний Образцова сродни впечатлениям от его былых авторских концертов: впечатление избытка энергии, которую рачительный хозяин тут же созидательно использует. *Хозяином* называли его и в театре. Евгений Шварц вспоминал:

«...ОБРАЗЦОВСКИЕ АКТЁРЫ НЕПРЕРЫВНО ВГЛЯДЫВАЮТСЯ В ОБРАЗЦОВСКИЕ РАБОТЫ И ОЧЕНЬ ЧАСТО ВСТУПАЮТ С НИМ В ПРЕКАНИЯ НА ВЫСОКОМ УРОВНЕ. ВСЁ ЭТО ХОРОШО ПОКАЗЫВАЕТ, ЧТО В ТЕАТРЕ ИДЁТ БОГАТАЯ ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ. И ОБРАЗЦОВ В ЭТИХ СПОРАХ ВЫСТУПАЕТ КАК ПЕРВЫЙ СРЕДИ РАВНЫХ — ТОЛЬКО КАК ОДИН ИЗ УЧАСТНИКОВ, ПУСТЬ САМЫЙ СИЛЬНЫЙ, ЕДИНОГО КОЛЛЕКТИВА. ОН НЕ ПРИМЕНЯЕТ НИКАКИХ АДМИНИСТРАТИВНЫХ МЕР. А ТАК КАК ГОЛОВА У НЕГО ОТЛИЧНО РАЗРАБОТАННАЯ, ОН ПОБЕЖДАЕТ В БОЛЬШИНСТВЕ СЛУЧАЕВ».

Очень точная характеристика — побеждает за счёт «отлично разработанной головы» — и становится хозяином положения. И литературный стиль Образцова выразителен: мы видим человека, который спешит убедить нас и потому то жестикует словами, то упрощает свои сентенции. Он стремится к полной ясности, стремится быть эффективным, полезным. Его язык, его страстная ирония, напоминающая Виктора Шкловского, явно из литературы двадцатых годов. Вот Образцов рассказывает о замысле проблемного документального фильма и в диалоге очень ярко передаёт свой собственный, полный подтекстов, характер. Для осуществления замысла ему необходима была беседа с уголовниками, которые с детства издевались над животными:

«Мы пришли в камеру и спросили: «ТАК это у вас произошло?» Они сказали: «ТАК». Мы сказали: «А можете ли вы про это кинозрителям рассказать, чтобы другие по ВАШЕЙ ДОРОГЕ НЕ ПОШЛИ?» Они сказали: «МОЖЕМ».

В этом весь максимализм Образцова, вся вера в то, что уж он-то с его энергией непременно сможет что-то исправить, повлиять на ситуацию — спектаклем, фильмом, книгой. Короткие предложения напоминают устную речь — монолог. Автор с удовольствием перевоплощается в разных рассказчиков, как перевоплощался он в своих кукольных героев, держа их собственными руками. И у каждого рассказчика — свой ракурс, свой взгляд. Кстати, сверхзадача образцовского фильма была воспитательной. Он откровенно стремился избавить общество от тяжёлого недуга — детской жестокости, перерастающей во взрослую. И верил, что искусство может быть действенным инструментом в борьбе с социальными язвами. Фильм «Кому он нужен, этот Васяка?» учил любви к животным, а по большому счёту — учил созидательной жизни. Как и другой известный фильм С.В. Образцова — «Кинокамера обвиняет», который оказался пророческим. В нём кукольник рассказал о разрушительном духе современной цивилизации, о времени великих катаклизмов и многоликой продажности.

Рассказывая о своей юности, он превращается в себя юного. При этом проявляется ещё один тип артистизма, свойственный Образцову, — артистизм литературный.

Если смотреть на книгу «По ступенькам памяти» с обывательской точки зрения, покажется, что автор любил прихвастнуть. Это и правда, и неправда. Например, о своей книге «Эстафета искусства» он простодушно говорит: «Красивая книга. Только что вышло второе издание. Ещё красивее, чем первое». Или — не забывает сообщить, как Джульетта Мазина на вопрос «Что вам понравилось в Советском Союзе?» ответила одним словом: «Образцов». Но это не совсем хвастовство, это — кураж артиста, который верит: что интересно ему, интересно и зрителю, и читателю. Да, кого-то образцовский эгоцентризм может раздражать, но поклонников всегда будет больше; секрет успеха нашему кукольнику был известен смолоду.

Рассказывая о своей военной одиссее, когда он учил офицеров делать антифашистские кукольные репризы, выступал с концертами перед детьми и солдатами, Образцов, кажется, убеждает и себя, и читателей: «Хорошо, что и здесь мы оказались нужны. Очень нужны. Действительно, очень нужны». Сейчас, когда мы слышим сообщения о том, как московские подростки до полусмерти избивают своих чернокожих сверстников, наваливаясь впятером на одного, виновного только в «неправильном» цвете кожи, мы вспоминаем, каким добрым смехом когдатюшние московские дети отзывались на образцовские репризы с куклой-негрятёнком. И мы понимаем, что сейчас и здесь он оказался бы нужен. Очень нужен. Действительно, очень нужен. Ведь он учил доброте и жалости, не боясь показаться скучным резонёром. Да разве по-резонёрски сейчас звучат слова:

«Упал дом. Жертв мало. Один человек. Ну, а если этот один человек ваш ребёнок? Или ваша жена? Или ваш отец? Вы же не скажете тогда, что жертв мало? Может быть, это всё, что есть в вашей жизни!»

Долго ещё будут актуальны эти слова, которые Образцов назвал «страшной правдой». Эту главу воспоминаний можно хоть сейчас выводить на «видеосуфлёры» дикторов наших телевизионных новостей. Здесь Образцов рассказывает всё о том же своём фильме — «Кинокамера обвиняет». Одним из первых Сергей Владимирович пытался осмыслить все соблазны нового века, века информации. Он изучал феномен телевидения, изучал массовую культуру. И блестяще пародировал её и в «Необыкновенном концерте», и в «Дон Жуане», и в других «взрослых» кукольных спектаклях, которые не стареют.

Как остро этот художник чувствовал чужую боль, как упрямо пытался научить этому духу сопереживания каждого своего зрителя:

«Я объехал много стран и видел собственными глазами и безнадёжную нищету, и богатство. Я бывал в домах миллионеров. Ужинал при свечах. И лакеи в белых перчатках подавали мне еду и наливали вино в бокалы, воду в фужеры, коньяк в рюмки. Сидел с хозяевами в гостиной перед потрескивающим камином (камин в моде сейчас) и попивал кофе из маленьких чашечек. Но я и много раз видел, как на улице ночью голодные полуголые дети зарываются в мусор и бумагу, чтобы переспать ночь. В южных странах бывают большие перепады температур. Днём 30–35 градусов, ночью 8 градусов. А для голого это мороз».

Без подобных рефлексий немислима советская педагогика. Немислимо и наше детское искусство тех лет. Если Образцов чувствовал в детях, в обществе ожесточение — он считал это своей личной недоработкой и брался за дело. Учил. Показывал. Предупреждал: «Смотреть на то, что вы сейчас видите, очень неприятно, но это надо знать». И показывал жестокость и продажность, вызывая отвращение к этим порокам. В конце картины беззвучно плакал ребёнок — чтобы каждый зритель почувствовал свою ответственность за судьбу этого ребёнка, как чувствовал её Образцов: «Каждому надо помнить: сегодня, сейчас горит земля. И плачет мальчик».

Есть в книге Образцова и другие несчастные герои. Это люди, потерявшие свою Родину, эмигрировавшие. Им автор неизменно сочувствует, понимая трагизм такого удела. Чужбина не манит нашего героя. Он умеет поражаться искусству, таланту всех народов земли, но неизменно чувствует себя посланцем своей Родины и этим счастлив. Счастливый, «равный самому себе» человек, который может обратиться к родной земле, как некогда поэт Михаил Исаковский:

Надежды свои и желанья
Связал я навеки с тобой,
С твоею суровой и ясной,
С твоею завидной судьбой.

Немало Образцов думал об этапах взросления юного зрителя. Вот он пишет о спектакле «Кот в сапогах»:

«Показываем мы его младшим школьникам. Тем, кому шесть, семь, восемь лет. А на билетах у нас, на всех билетах напечатано: «Дети до пяти лет на спектакли не допускаются». Это я так придумал. Я за это отвечаю, несмотря на негодование многих мам, уверяющих меня, что им, мамам, лучше знать, что полезно их детям, а что нет. Ошибаются мамы. Мне лучше знать».

И расчёт Образцова был выверенным: он рассказывает, как испугало трёхлетнюю девочку появление в кукольном спектакле людоеда (его играл актёр в маске).

«Девочка закричала: «Мама, выключи!» «Что будет вечером, когда эта несчастная мама станет укладывать дочку спать? Я знаю, что будет. «Мама, посиди около меня, мне страшно».

Непростое и ответственное дело — готовить спектакли для детей. Чувство ответственности укреплялось ещё и потому, что Сергей Владимирович постоянно знал, что люди ждут от него самых разнообразных уроков. Вот краткий обзор писем, которые получал наш кукольник:

«Я прошу маму, чтобы она подарила мне собаку, а она не хочет. Напишите ей, пожалуйста, она Вас послушает»,
«Ребята говорят, что счастье — это благополучие, а я говорю, что счастье — это борьба. Напишите, кто прав»,
«Что мне делать? Муж моей дочери пьёт и ругается матом при ребёнке, а я уйти не могу. Не могу жить без внука»,
«Папа подарил мне рыбок гуппи. Напишите, чем их кормить и как часто надо менять воду?»

Авторы писем взрослые и дети испытывают чистейшее доверие к Образцову. И письма он читал внимательно. Одно из таких писем, в котором была исповедь девочки, чья мама жестоко обошлась с кошкой, послужило толчком к замыслу фильма «Кому он нужен, этот Васька?». Название фильма тоже пришло из того письма: так воскликнула мама девочки, отрубив котёнку голову. То умение, с которым Образцов на основе детского рассказа создаёт мудрый фильм-урок, должно служить примером именно учителям. Очень важно и то, что наряду с примерами чудовищной жестокости Сергей Владимирович показывал человеческую доброту. «Отрицаешь — предлагай». На каждое зло найдётся добро — и не утопическое, не идеальное, а земное, узнаваемое, существующее рядом с нами. Например, вот такое: «Нашла женщина в лесу в канаве маленького лосёнка, выкормила — и стал он большой лосихой, Ласочкой».

Да, в современном искусстве Образцова устраивало далеко не всё. Он не хотел быть конъюнктурно современным, как многие молодящиеся ветераны сцены. «Мода во всяком искусстве, не только театральном — всегда плохо. Всегда штамп. А что в искусстве может быть опаснее штампа? Это ведь злокачественная опухоль. Рак. Надо удалять». И он не боялся признаться в том, что не выносит эстетизации насилия. Не принимает игры, презирающей человеческую жизнь. Вот молодой индеец прыгает вниз головой с кирпичной стены и попадает в яму с водой. В случае промаха — смерть. Публика приходит посмотреть на эти прыжки. Образцов не скрывает: «Я не осуждаю этого парня. Жить-то надо. Ну, а те, кто платит ему за это, считают себя благодетелями. Дали заработать бедному человеку, а по существу — они просто сволочи. Им интересно, промахнётся он или нет». Сколько злободневных ассоциаций рождается у нас после этого сюжета. Сейчас во всём мире говорят о политкорректности, о самоцензуре художника, об информационной безопасности. Об-

разцов разглядел мировую проблему в нехитрой провинциальной потехе. В этом, по выражению Образцова, преступном зрительском наслаждении. Он предчувствовал зарождение конъюнктуры и предупреждал о её опасности со страстью художника и общественного деятеля. Именно так писали о нём в энциклопедиях: художник и общественный деятель. В этом простом определении — не только анкетная правда, но и поучительный пример.

Итак, воспоминания артиста и общественного деятеля. Сейчас у нас много известных, прославленных телевидением, деятелей, они любят присоединяться к разным партиям, толкаться на фуршетах и играть в телевизионные викторины. Среди них немало снобов, есть антисемиты, попадаются нигилисты. Некоторые напоминают конферансье Апломбова из «Необыкновенного концерта». Имеются диссиденты и богомольцы, патентованные западники и почвенники. Всякого добра хватает. И всех объединяет одно: они играют в третьей лиге. Образцов всегда играл в высшей. И когда такой крупный художник, как Сергей Образцов, становится общественным деятелем, он остаётся свободным человеком и не пополняет «жадную толпу стоящих у трона». Это простой и ясный урок для всех читателей «Ступенек». Последняя книга Образцова выполнена в его неповторимом авторском

стиле, как и всё, выпущенное под маркой «Образцов». Этому стилю присущи жадная любознательность, огромный талант, ремесленническое трудолюбие и подкупающая, обезоруживающая искренность.

Сейчас книги Образцова переиздаются нечасто (эта — первая за двенадцать лет). Он как будто выпал из культурного обихода, оставшись лишь в учебниках по истории театра и, конечно, в театре своего имени. Этим несправедливым забвением мы обкрадываем себя. Сейчас, после смерти Сергея Владимировича, у нас немного более важных и интересных тем, чем осмысление этого явления. Думаю, книга «По ступенькам памяти» поможет в этом. А фотография с шариком на пальце, на которой кукольник запечатлён молодым, давно стала символом нашего кукольного театра, его знаком качества. А ведь этот театр — как зернистая икра, большой балет, космос... Лучшее, что есть в России. И заслуженное, сработанное, а не в магазине купленное.

Мне кажется, если мы взглянем в мир «Ступенек», то получим информацию насущной важности, самую актуальную для нас нынешних. В образцовском сочинении можно увидеть действенное руководство по воспитательной работе. Как говаривал Сергей Владимирович Образцов, если долго смотреть в кофейную гущу, можно увидеть жениха.

4

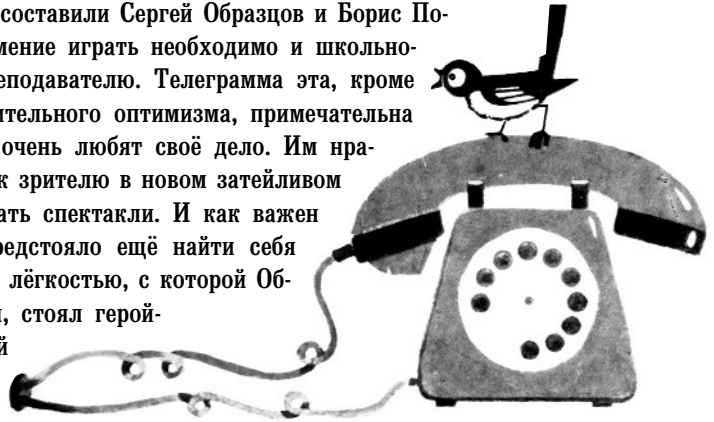
Сергей Образцов осознавал воспитательную, учебную функцию, присущую театру, много работавшему для детей. Этого великий кукольник не стеснялся, как стесняются порой утилитарной стороны искусства и науки. Волшебник, он в игровой манере строил свой мир, включавший и кукол, и зрителей. Когда в Москве открывался новый Театр кукол — здание, продуманное Образцовым как пространство сказки, окружающее ребёнка, — «почтеннейшая публика» была уведомлена об этом событии следующим образом:

«Срочная Москва востребования Всем москвичам от 5 до 125 лет
тчк Новый сезон мы открываем в новом доме тчк В нем два зала
тчк Детям и взрослым тчк Зимний сад зпт большой музей тчк
В аквариумах рыбы зпт в клетках птицы тчк Детям приготовили
спектакль «Солдат и ведьма» зпт взрослым гала-представление
тчк Ждем нетерпением Куклы».

Эту великолепную телеграмму составили Сергей Образцов и Борис Поуровский. Такой артистизм, такое умение играть необходимо и школьному учителю, и университетскому преподавателю. Телеграмма эта, кроме стилистического очарования и заразительного оптимизма, примечательна тем, что она показывает: её авторы очень любят своё дело. Им нравится работать с куклами, выходить к зрителю в новом затейливом доме с птицами и крокодилами, делать спектакли. И как важен этот пример для детей, которым предстояло ещё найти себя в этом чудесном, радостном мире. За лёгкостью, с которой Образцов жонглировал своими куклами, стоял геройский труд, показывающий нам, какой заслуженной была его высокая награда — золотая звезда Героя Социалистического Труда. Сергей Владимирович ценил награду своего Отечества, гордился ею. Но не меньше он ценил и орден Улыбки, которым кукольника наградили болгарские зрители, болгарские дети. В образцовской иерархии хватало места для всех орденов. Ведь когда тебя награждают — это, прежде всего, интересно и удивительно. Это тоже игра. Вот как принял Образцов известие о присуждении ему звания Героя:

«В передней звонит телефон. Наливаю рюмку и снимаю трубку. Жена. Не меньше меня и удивлена, и рада. Чокнулся с трубкой, и только успели налить вторую рюмку, снова трещит телефон. Сын. Опять чокнулся с трубкой. Звонок в дверь. Дочь пришла. Просто так пришла. Проведать. Я ей говорю, она не верит. Телефон. «Возьми трубку». Взяла и хохочет, говорит: «Давай и мне рюмку».

Звонок за звонком, звонок за звонком... И родственники, и знакомые, и совсем незнакомые. Пить некогда.

И вот что удивительно, даже невероятно. Ведь ещё ни один актёр, ни один режиссёр ни драмы, ни оперы, ни балета Героя не получал. Кукольник получил первым. Чудо. Просто чудо.

На следующее утро врился. Смотрел в зеркало. Лицо как лицо. Ну ничего в нём нет героического.

Золотая звезда! Подумать только!»

Звезда принимается с радостью, с почти детской непосредственностью. И по всему видно, насколько заслуженная эта награда. Награда человеку, всю жизнь проповедовавшему добро. И делавшему это *результативно*.

Есть божественная красота в рационализме человека, умеющего хорошо учиться и работать. В его достижениях, в его вдохновенной самоотдаче. Образцов поднял образ талантливого профессионала на уровень национального героя. Никто не посмел бы подумать о русских людях как о лентяях и пьяницах, когда перед глазами стоял пример Образцова. И это культуuroобразующий образ *дельного* русского человека, о котором, к сожалению, забывают и хулители (по-пушкински — *клеветники*) России, и некоторые её патриоты, готовые возвести в перл свои личные слабости, считая их национальной самобытностью. Талантливый русский человек дисциплинирован, честен и предан своим принципам. Такими были наши национальные герои от Суворова до Жукова. Всей своей жизнью олицетворял этот образ и Сергей Владимирович Образцов.

Преподаватель, пренебрегающий «популяризаторством», нечасто добивается педагогического эффекта. Образцов был неугомонным популяризатором всего, что казалось ему интересным, — кукольного театра, своих гуманистических идей, любви к животным, китайского театрального искусства, трудолюбия... Он сознательно превратил себя в живой заразительный пример — надо думать, иначе он себя в публичной профессии и не мыслил. Умение сосредоточить все силы, все эмоции на «слабом фланге условного противника» — то есть на позиции, которая неясна вашим ученикам, — часто оказывается решающим в преподавательской стратегии. Многим запомнился телевизионный образ Сергея Владимировича. Запомнился именно как учитель жизни: Образцов никогда не стеснялся поучительной интонации, несмотря на её очевидную непопулярность. И умел преодолеть первоначальную сопротивляемость публики к «скучным нравоучениям», потому что для достижения педагогического результата использовал весь свой актёрский талант, все режиссёрские навыки. И мы убеждены, что очень многие из юных телезрителей Сергея Владимировича стали добрее и мудрее, научились отличать пошлость от искусства. А ещё научились любить, потому что Образцов говорил и о семье, о жребии супруга и сына, брата и отца. Говорил по-учительски и по-актёрски. Эмоционально, весело, а иногда — и со слезой. Всё попадало в цель, становясь для нас незабываемым уроком. У Образцова учились учителя и редакторы журнала «Народное образование», думавшие об актуальных вопросах послевоенного Советского Союза.

Как всё-таки повезло всем нам, советским детям, ныне уже взрослеющим и стареющим, что в XX веке в России просияла судьба Сергея Владимировича Образцова. То, что он в нас заложил, уже не поддаётся выхолащиванию.

5

Зимой 1992 года журналист спросил Сергея Владимировича: «Вы пережили много тяжких эпох, революцию, войну, перестройку... Какая из них самая трудная?» Девяностолетний мастер ответил одним вздохом: «Сейчас». Это было последнее интервью в его жизни. 8 мая 1992 года Сергея Владимировича Образцова не стало. А недавно директор Фонда имени С.В. Образцова, Борис Голдовский, признался: «По каким-то причинам и обстоятельствам на его похороны не пришёл никто из заметных официальных чиновников или государственных деятелей. Ни одна газета не напечатала некролог». Если уж разрушать, то до основания. И в начале девяностых мы разрушали всё и вся — созидателей в первую очередь. А ведь Образцов был настоящим национальным героем, настоящим созидателем!.. Как стыдно сейчас вспоминать те времена. Впрочем, и в мае 2001-го, когда накануне своего 85-летия от нас ушёл другой национальный герой — «настоящий человек» Алексей Петрович Маресьев, первые лица государства не удостоили его

память посещением скромных солдатских похорон... Видно, не заслужил Алексей Маресьев того, чтобы глава государства склонился над его гробом. А ведь ни второго Образцова, ни второго Маресьева у нас нет. Каждый из этих людей своей судьбой олицетворял определённое качество нашего народа, обобщил его, наглядно показал: в этом и состоит миссия национального героя.

Для некоторых стало хорошим тоном, закатывая глаза, вздыхать о том, как реализовался бы тот или иной талант советской эпохи, если бы не коммунизм да цензура. По такой нехитрой логике, тиражируемой телевидением, все наши достижения были *вопреки* обществу и системе. Но Сергей Владимирович Образцов состоялся не в иллюзорном Телемском аббатстве без цензуры и КГБ, а в Советском Союзе. И стоит задуматься, почему в нынешней России Образцовы не

востребованы, для них нет ни трибуны, ни публики. «Вы, нынешние, ну-тка!» Очень рискованно надеяться на поколение, с детства не знакомое с творениями А.П. Гайдара и С.Я. Маршака, А.Л. Птушко и Н.Н. Кошерева, К.И. Чуковского и С.В. Образцова, Д.С. Кабалевского и Н.И. Сац. Их имена хочется повторять и повторять, варьируя этим блестящим составом!.. Они создавали климат, в котором существовала советская педагогика, в котором существовал и журнал «Народное образование» в благословенные послевоенные годы.

Они не исключали педагогические задачи из своего понимания миссии художника, потому что с ломоносовских времён просветительская миссия искусства была основной для российской культуры.

Р.А. Быков

Наталья Ильинична Сац и её театр

6

Вернёмся к истории журнала. Первым народным комиссаром по просвещению был Анатолий Васильевич Луначарский. Вопросы народного образования находились в его ведении с июля 1917 года, когда, вернувшись из-за границы, он вошёл в состав Петроградской думы. Выпускник Киевской гимназии, он три года учился в Цюрихском университете, но законченным высшим образованием похвастаться не мог. Зато рано увлёкся журналистикой, литературным творчеством и, в частности, драматургией. Партия Ленина поручила ему заниматься проблемами педагогики и школьного строительства, и он, находясь в Швейцарии, посвятил 1915—1916 годы изучению работ Песталоцци, Фребеля и других авторитетов, а также вопросов организации школьного дела за границей. Уже тогда было ясно, что в случае захвата власти большевиками на смену существующей сословной системе образования придёт другая — пролетарская (тоже сословная), с её классовым подходом к управлению, к программе обучения, к учащимся и преподавателям. Прежде всего надлежало сделать народ огромной многонациональной страны поголовно грамотным.

После революции Наркомат, бюрократический аппарат которого состоял из четырёх тысяч человек, с огромным энтузиазмом приступил к претворению своей программы в жизнь. За первые десять лет, однако, было допущено огромное число грубых ошибок, которые тогда называли левацкими перегибами, приведших к резкому снижению качества среднего и высшего образования. Катастрофы тем не менее не случилось. Скорее всего потому, что учителя — главнейшее звено в системе просвещения — были и, надеемся, остаются до сих пор самой высоконравственной основой нашего общества, если хотите, его совестью. Вот они-то тогда, как Кариатиды и Атланты, подпёрли собою своды и предотвратили обрушение школы.

Сильной же стороной деятельности Наркомата и его руководителя Луначарского было, безусловно, привлечение к просветительской деятельности светил российской культуры того времени, лояльных новой власти. Так, например, в аппарате наркомата стал трудиться поэт Валерий Брюсов (на-

поминаем, что он отвечал за библиотеки страны). Что касается Максима Горького, то его роль в развитии книжного дела для просвещения народа и особенно детей переоценить невозможно.

Ставший в январе 1918 года целиком советским, журнал Наркомпроса РСФСР «Народное просвещение», впоследствии переименованный в «Коммунистическое просвещение» и, наконец, в 1946 году — в «Народное образование», вопросам литературы для детей постоянно уделял огромное внимание.

В самом начале 1918 года журнал публикует «Декрет о государственном издательстве». В нём, в частности, говорится:

«Принимая во внимание создавшуюся острую безработицу печатников, с одной стороны, книжный голод в стране — с другой, поручается Народной Комиссии по Просвещению... немедленно приступить к широкой издательской деятельности.

В первую очередь должно при этом быть поставлено дешёвое народное издание русских классиков.

Срок посмертного права наследников на творения литературы и науки уничтожается.

Комиссия обязана воспользоваться этим правом по отношению к корифеям литературы, творения которых перейдут согласно настоящему закону в собственность народа...

При выборе редакция должна руководствоваться помимо других соображений степенью близости отдельных сочинений трудовому народу, для которого эти народные издания и предназначаются...

Народные издания классиков должны поступать в продажу по себестоимости, если же средства позволят — то и распространяться по льготной цене или даже бесплатно через библиотеки, обслуживающие трудовую демократию (курсив наш. — В.Ч., А.З.).

Государственное издательство должно затем озаботиться массовым изданием учебников...»

И этот текст увидел свет в 1918 году! Был реализован в годы Гражданской войны и действовал до начала 90-х годов прошлого века.

Зайдите же сейчас в книжный магазин и убедитесь сами, что «Конёк-горбунок» стоит 150 рублей, а три коротенькие сказочки Сергея Михалкова — 120. Многие наши соотечественники могут купить эти книжки своим детям или внукам. Издатели, впрочем, это учитывают и выпускают их тиражами 5—10 тысяч экземпляров.

Вернёмся, однако, к великому пролетарскому писателю Максиму Горькому и его роли в развитии детской литературы в СССР. Ленин и Луначарский убедили его согласиться возглавить деятельность по изданию художественной литературы. И уже в 1918 году Горький создаёт при Наркомпросе издательство «Всемирная литература» и привлекает к работе поэтов, писателей, критиков и других специалистов в области литературы, а также издателей. Мы знаем, что со временем дело это получило колоссальное развитие. Появились такие издания, как «История Гражданской войны», «История фабрик и заводов», знаменитая серия, которая продолжается и ныне, «Жизнь замечательных людей» и другие. А детская литература, как переводная, так и отечественная, была едва ли не на первом месте. Журнал писал об этом буквально с первых своих номеров, например, в статью

В 1925-м в № 1 за подписью Н.В. Чехова публикуется «Список заслуживших внимания детских книг, вышедших в 1924 году». В Списке 68 позиций. Приведём лишь несколько.

Доктор Айболит. Соч. Гью Лофтинг, пересказ К. Чуковского.

Звериный кооператив. Н. Чуковский под редакцией К. Чуковского.

Пятьдесят поросят. Детск. и народн. песни. Выбрал К. Чуковский.

Звери дедушки Дурова. В.Л. Дуров. Кн. 1.

Ванька и Васька. С.Я. Маршак. Рис. Вл. Конашевич.

Чудеса. С. Маршак. Карт. Б. Кустодиева (именно Бориса Кустодиева!).

Кот сметанный рот. А.Н. Толстой. Сказка.

Злое море. Б. Житков. Рассказы.

К Северному полюсу. Путешествия Нансена и Пири. Серг. Меч.

Белые боги. Дж. Лондон. Перев. с англ.

Один среди дикарей. Путешествие Миклухи-Маклая, изложение Э.К. Пименовой.

«Список составлен по материалам библиографической комиссии бывшего института детского чтения, ныне отдела института внешкольной работы» — говорится в пояснении. Подобные материалы журнал публиковал регулярно.

А.В. Луначарского «Место и роль интеллигенции в обществе» (1918, № 3), в рецензии В. Невского на книгу Н.К. Крупской «Что и как читать молодым коммунистам?» (1920, № 18–20), в публикации «Новому ребёнку новая сказка» (1921, № 21–22). В 1923 году в журнале появляется рубрика «Книжная палата».

В 1925-м в № 1 напечатана обстоятельная статья Н.В. Чехова «Детские журналы за 1924 год», в которой даётся анализ содержания изданий как для дошкольников — «Искорка» и «Мурзилка», так и для школьников — «Воробей» (он же с № 8 «Новый Робинзон»), «Октябрьские всходы», «Зёрнышко», «Барабан», очень знаменитый впоследствии «Пионер» и «Юный строитель».

Журнал «Народное просвещение» («Народное образование») на протяжении многих десятилетий поддерживал детские журналы, публикуя аналитические обзоры их содержания. Поддерживал и кинофильмы, посвящённые детям и юношеству. Фильмы-сказки, приключенческое кино, фильмы о школе находились в центре внимания авторов нашего журнала и педагогов. Иногда разговор получался острым (как, например, о фильме «А если это любовь?»), чаще — комплиментарным. Но воспитательной роли кинематографа, как самого «массового» вида искусства, в журнале непременно уделялось большое внимание.

7

Нарком просвещения А.С. Бубнов на торжественном юбилейном собрании в честь «литературного и революционного сорокалетия великого пролетарского писателя Алексея Максимовича Горького», которое проходило 25 сентября 1932 года в Большом театре, говорил:

«Высокая оценка ТВОРЧЕСКОГО ТРУДА, РОСТКОВ НОВОЙ КУЛЬТУРЫ, ПАФОС ПЕРЕД РАБОТОЙ ЕГО СТРОИТЕЛЕЙ ПОРОЖДАЕТ И ОБУСЛОВЛИВАЕТ У ГОРЬКОГО ЕГО ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ДЕТЯМ И МОЛОДЁЖИ. СРЕДИ НАШИХ ПИСАТЕЛЕЙ НЕТ ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ БЫ С ТАКИМ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫМ ВНИМАНИЕМ И ЗНАНИЕМ ДЕЛА ОТНОСИЛСЯ К ВОПРОСАМ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (КУРСИВ А.Б.)».

Прошло 70 лет, и сейчас это не кажется преувеличением. Бубнов продолжает:

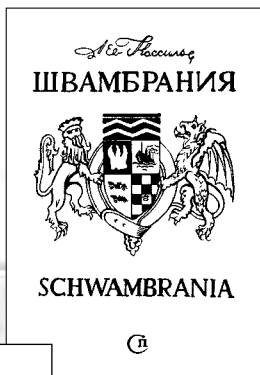
«ВЕСЬМА ХАРАКТЕРНЫМ ДЛЯ ГОРЬКОГО ЯВЛЯЕТСЯ ВЫДВИНУТОЕ ИМ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ВУЗА. В СВОЕЙ СТАТЬЕ «О ЛЕНИНЕ» ГОРЬКИЙ РАССКАЗЫВАЕТ, ЧТО ЛЕНИН ЕГО СПРАШИВАЛ, — ЧЕГО ОН, ГОРЬКИЙ, ЖДЁТ ОТ ПРОЛЕТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. «Я ГОВОРИЛ, — ПИШЕТ ГОРЬКИЙ, — ЖДУ МНОГОГО, НО СЧИТАЮ СОВЕРШЕННО НЕОБХОДИМЫМ ОРГАНИЗАЦИЮ ЛИТВУЗА С КАФЕДРАМИ ПО ЯЗЫКОЗНАНИЮ, ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ — ЗАПАДА И ВОСТОКА, ПО ФОЛЬКЛОРУ, ПО ИСТОРИИ ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, ОТДЕЛЬНО РУССКОЙ».

Это не просто практическое предложение об организации Литвуза. У Горького оно является лишь частью его программы по собиранию писательских сил рабочего класса, которое в свою очередь является лишь частью громадной исторической задачи создания интеллигенции рабочего класса».

Это выступление наркома Бубнова было не только опубликовано в журнале, но и издано отдельной брошюрой 10-тысячным тиражом. А за пять лет до этого (1927, № 11–12) появляется солидная статья П.С. Когана «Максим Горький. К 35-летию литературной деятельности». Имя Горького встречалось почти в каждой журнальной книжке двадцатых и тридцатых годов.

Журнал отмечал и «круглые» даты знаменитых детских писателей. Например, в 1962 году — 80-летие Корнея Ивановича Чуковского.

К 75-летию Антона Семёновича Макаренко — выдающегося педагога и обладателя несомненного литературного таланта — в № 3 за 1963 год доктор педагогических наук Валентин Кумарин публикует статью «Правofланговый советской педагогики». А в № 7 за 1964 год — материал к 70-летию создателя «Кондуита», «Швамбрании» и «Дорогих моих мальчишек» Льва Абрамовича Кассиля. По сложившейся традиции, «Народное образование» предоставляет трибуну и самому Кассилю, и исследователям его творчества.

Аркадий Гайдар

Позвольте на этом прерваться. Советские номера журнала имеются почти во всех центральных библиотеках страны и интересующиеся читатели могут в них заглянуть. Поверьте честному слову — не пожалеете. В 1927 году в № 11–12 одним из историографов журнала К. Бендриковым было написано:

«И КАКОЕ ЕЩЁ ОГРОМНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИМЕЕТ ЖУРНАЛ «НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ», ТАК ЭТО ЕГО ИСТОРИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ. НЕЛЬЗЯ ПИСАТЬ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ БЕЗ ШИРОКОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭТОГО ЖУРНАЛА. МАССУ ЦЕННЕЙШИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ-ИСТОРИК НАЙДЁТ НА ЕГО СТРАНИЦАХ».

Работая над этой главой, авторы примерно в течение месяца обращались к родным, друзьям и даже к случайным людям с вопросом: «Какие произведения советских детских писателей оставили след в вашей памяти?».

Надо сказать, что встречали понимание. Люди улыбались. Вспомнить детство оказалось приятным и 80-летним, и 12-летним. Опросили человек 50. И тепло на сердце было оттого, что никаких неожиданностей не случилось. Почти каждый начинал с какого-нибудь произведения Чуковского.

Владимир Маяковский
Худ. Ю. Корвин

Муха, Муха-Цокотуха,
Позолоченное брюхо! ...

Одеяло убежало, улетела простыня,
И подушка, как лягушка, усакала от меня...

Таракан, Таракан, Тараканище.
Он рычит и кричит, и усами шевелит: ...

Добрый доктор Айболит!
Он под деревом сидит...

У меня зазвонил телефон. Кто говорит? Слон. Откуда?
От верблюда. Что вам надо? Шоколада...

Следующим по результатам опроса был то ли Владимир Владимирович Маяковский, то ли Самуил Яковлевич Маршак. Одна девушка из Новгорода Великого вспомнила, что долго называла поэта Смаршаком. Так, оказывается, было написано на обложке.

Крошка сын к отцу пришёл и спросила кроха:
«Что такое хорошо и что такое плохо?»...

У меня растут года,
будет и семнадцать.
Где работать мне тогда,
чем заниматься?...

«Сказка о Пете, толстом ребёнке, и о Симе, который тонкий».
Ясно даже и ежу, Петин папа был буржуй...

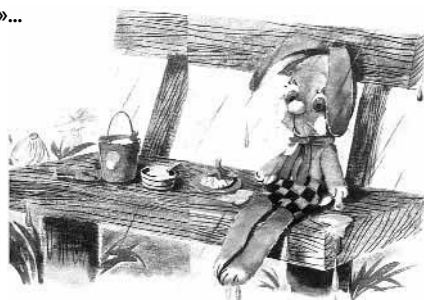
Возьмём винтовки новые, на штык флажки!
И с песнею в стрелковые пойдём кружки...

Мистер-Твистер бывший министр,
мистер Твистер — миллионер.
Владелец заводов, газет, пароходов
решил на досуге объехать мир...

Это что за остановка: Бологое иль Поповка?
А с платформы говорят:
«Это город Ленинград»...

Затем следуют Сергей Владимирович
Михалков и Агния Львовна Барто.

Зайку бросила хозяйка
Под дождём остался зайка.
Со скамейки слезть не смог,
Весь до ниточки промок...

«Дядя Стёпа», «Три поросёнка», «Имя твоё неизвестно. Подвиг твой бессмертен», три текста Гимна державы. Журнал «Народное образование» всегда относился к Сергею Владимировичу Михалкову с нежной любовью.

И потом просто обвал славных имён и названий книг, оставшихся в памяти наших разновозрастных респондентов. «Золотой ключик», «Аэлита», «Гиперболоид инженера Гарина» Алексея Толстого. Лев Кассиль, конечно. Виталий Бианки. Валентина Осеева — «Васёк Трубочёв и его товарищи». Николай Носов с его «Незнайкой» и «Витей Малеевым в школе и дома». «Республика Шкид» Леонида Пантелева и Григория Белых. Образ педагога Сорокина, созданный в этой книге, — один из самых запоминающихся в советской литературе. Довольно многие назвали Аркадия Гайдара. «Тимур и его команда», «Судьба барабанщика», «Школа», «Голубая чашка». Не были забыты «Белеет парус одинокий» Валентина Катаева и «Два капитана» Вениамина Каверина. Светланы вспомнили стихи «Про Светлану» Сергея Баруздина. Были упомянуты «Три толстяка» Юрия Олеши и «Простоквашино» Эдуарда Успенского. Увы, о том, «Как закалялась сталь» Николая Островского, вспомнил только один из авторов этой книги.

Удалось нам услышать и о произведениях зарубежных писателей: «Робинзоне Крузо», «Острове сокровищ», «Приключениях Тома Сойера», «Путешествиях Гулливера», сказках Андерсена и о «Карлсоне, который живёт на крыше». Они издаются у нас в мастерских переводах.

Переводить, например, с английского на русский язык очень трудно. Крайне примитивным, если не дать волю фантазии, оказывается диалог — прямая речь. Если же переводить, калькируя, то выйдет сухая, неинтересная речь героев. О порочности такого дословного перевода, метко называя его «рабственным», писал в начале XIX века знаменитый филолог, адми-

Самуил Маршак

Агния Барто

Сергей Михалков

рал и к тому же министр народного просвещения А.С. Шишков. Много раз на эту тему едко высказывался Горький. А великий переводчик с английского К.И. Чуковский успевал и переводить и учить других. Его книгу «Высокое искусство» обязан прочитать каждый, берущийся за перевод художественной литературы и особенно детской. Это там написано: «Точная, буквальная копия того или иного произведения поэзии есть самый неточный, самый лживый из всех переводов. То же можно сказать и о переводах художественной прозы».

К.И. Чуковский, его последователи и ученики, включая сына Николая, блестяще перевели огромное количество выдающихся произведений западных писателей и поэтов. Кстати, встречаются высказывания двуязычных литераторов, которые считали русские версии произведений иностранных писателей художественно более высокими и интересными, чем оригиналы.

Сейчас на прилавках много книг современного детского писателя Григория Остера. Мы спрашивали наших респондентов и о его произведениях. Обычные ответы: «Забавно. Смешно. Оригинально. А каковы будут последствия?».

В отличие от советской традиции здесь воспитательная функция литературы напрочь отвергается. Истоки этого явления следует искать в господстве *постмодернизма* — стиля, определяющего современного читателя и писателя.

8

Давным-давно Марина Цветаева приветствовала зарождавшуюся советскую детскую литературу, отмечая её высокий уровень:

«Что в России действительно хорошо — это детские книжки. Именно книжки, ибо говорю о книгах дошкольного возраста, тоненьких тетрадочках в 15–30 страниц. Ряд неоспоримых качеств. Прежде всего, почти исключительно, стихи, то есть вещи даны на языке, детьми не только любимом, но творимом, — их родном. <...> Второе качество (без которого первое, то есть сами стихи — порок) — качество самих стихов: превосходное. Читаешь, восхищаешься, и: кто это пишет? <...> Так в моём детстве и поэты для детей не писали»².

Это написано в 1931 году — Цветаевой удалось угадать развивающееся культурное явление. В другом эссе того времени М.И. Цветаева писала:

«Современная Россия, которая обывателя чуть ли не насильственно — во всяком случае, неуклонно и неизменно — наглядным и известным путём причащает к новому искусству, всё <...> переместила и перевернула»³.

Действительно, в это время нашими соотечественниками были найдены новые — и действенные — инструменты воспитания. Стихи, песни, спектакли, кинофильмы для детей — целый пласт талантливости искусства. Творцы этого искусства всегда присутствовали и в журнале «Народное образование».

² Цветаева М.И. О новой русской детской книге // Цветаева М.И. Автобиографическая проза. Статьи. Эссе. Переводы. М., 1994. С. 324.

³ Цветаева М.И. Поэт и время. Там же. С. 337.